

ОДИССЕЙ

2009

Путешествие как историко-культурный феномен

Время и exempla

**Средневековые визионеры
и визионерская литература**

**Террор Ивана Грозного
в культурно-символической
интерпретации**

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
ОЕ-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор
А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ,
Жак Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.Г. КОНОВАЛОВА,
доктор исторических наук С.И. ДАНЧЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989–.

2009 : Путешествие как историко-культурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2010. – 000 с. – ISBN 978-5-02-037586-4.

Главная тема выпуска – феномен путешествий в разных культурах, его роль в социальной, интеллектуальной, религиозной и других сферах жизни. Представлены материалы о разных типах путешествий (паломничество, миссия, исследовательское путешествие), охватывающие период от античности до XX века. Обсуждаются вопросы межкультурных коммуникаций в ходе путешествия, статуса и образа путешественника в разных культурах, семантики и поэтики рассказов о путешествиях. Также в сборнике представлены статьи о времени в средневековых проповеднических притчах (exempla). Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей. О средневековых представлениях о страшном суде и другие материалы. Публикуются рецензии на новые издания по истории, вышедшие в России и за рубежом.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов в области гуманитарного знания и более широкой аудитории.

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037586-4

- © Институт всеобщей истории РАН, 2010
- © Лучицкая С.И., составление, 2010
- © Коллектив авторов, 2010
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания, 2010)
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕР

А.В. Толстиков, О.Е. Кошелева

НОМО VIATOR.....

А.В. Подосинов

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АНТИЧНОЙ ОЙКУМЕНЕ: О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В “ХОРОГРАФИИ” ПОМПОНИЯ МЕЛЫ

Ф.Д. Прокофьев

PEREGRINATIO В ОКЕАНЕ: АЛЛЕГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ В “ПЛАВАНИИ СВЯТОГО БРЕНДАНА”

Т.Н. Джаксон

ХОЛЬМГАРДСФАРИ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО

С.И. Лучичкая

ПУТЕШЕСТВИЕ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В XII–XIII вв.: ОЧЕРК ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

О.И. Тогоева

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МИССИЯ В ЭПОПЕЕ ЖАННЫХ Д’АРК.....

А.А. Пименова

ПУТЕШЕСТВЕННИК, “ФИЛОСОФЫ” И “ДОБРЫЕ ДИКАРИ”: ЭКСПЕДИЦИЯ Ж.-Ф. ДЕ ЛАПЕРУЗА, 1785–1788 гг.

С.Е. Федоров

“УВИДЕТЬ ПАРИЖ И...”: ПУТЕВВЫЕ ЗАМЕТКИ ЮНОГО АНГЛИЧАНИНА

А.В. Лазарев

ПАРИЖ ИНОСТРАНЦЕВ ЭПОХИ ARS ARODEMICA (1570–1670).....

М.В. Лескинен

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОДНОЙ СТРАНЕ: ОПИСАНИЕ КАК СПОСОБ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ. ФИНЛЯНДИЯ И ФИННЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ З. ТОПЕЛИУСА

Г.П. Мельников

“ИЗ ЧЕХИИ АЖ НА КРАЙ СВЕТА”: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕНЦИИ МАЛОГО НАРОДА

К.А. Левинсон

ОБ ОДНОЙ ВЫПАВШЕЙ СТРАНИЦЕ ЧЕЛЮСКИНСКОЙ ЭПОПЕИ..

А.В. Толстиков

ИСПЫТАНИЕ ТЕРПЕНИЯ: ПОЭТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗЛОКЛЮЧЕ-
НИЙ ШВЕДСКОГО ПОСОЛЬСТВА В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI в...

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

ПИСЬМО В.Я. ПРОППА И.П. ЕРЕМИНУ О “ПОВЕСТИ ВРЕМЕН-
НЫХ ЛЕТ” (*Предисловие и публикация Б.С. Кагановича*).....

О ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ. ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ НА ЗАСЕ-
ДАНИИ СЕКТОРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В ИНСТИТУТЕ
ИСТОРИИ АН СССР, 1949 г. (*Предисловие и публикация А.Р. Горяинова*) ..

И.Г. Галкова

СОН РАЗУМА.....

Ю.П. Зарецкий

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТУЗЕМЦА

К.А. Левинсон

ПОЧЕМУ Я НЕ КОММЕНТАТОР.....

И.Г. Галкова

О ТУЗЕМНОМ НАСЛЕДСТВЕ.....

О.Е. Кошелева

ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙ-
СКОГО.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ж.-К. Шмитт

ЕХЕМРЛА И ВРЕМЯ (*перевод с французского И.Г. Галковой*).....

М.РН Майзульс

РЕАЛЬНОСТЬ СИМВОЛА И СИМВОЛ РЕАЛЬНОСТИ В ВИЗИОНЕР-
СКОМ ОПЫТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

РЕЦЕНЗИИ

К.Ю. Ерусалимский

МЕЖДУ КАНОНИЗИРОВАННЫМИ И ДЕМОНИЗИРОВАННЫМИ:
ТЕРРОР ИВАНА ГРОЗНОГО В КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ (*рассуждения над книгой А.А. Булычева*)

<i>Булычёв А.А.</i> Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
“ОЧИСТИТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ” В СРЕДНЕВЕКОВОМ НЕМЕЦКОМ ИСКУССТВЕ.....	
<i>Вегман С.</i> На пути к небу. “Очистительный огонь” в немецком средневековом искусстве. Кёльн; Веймар; Вена, 2003.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
СЛОВО-ОБРАЗ-ТЕКСТ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ	
<i>Кургиманн М.</i> Слово-образ-текст. Исследования о медиальности в высокое Средневековье и раннее Новое время. Баден-Баден, 2006–2007. Т. 1–2	
<i>М.Ю. Парамонова</i>	
НОВАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, НАПИСАННАЯ ИСТОРИКОМ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
<i>Боргольте М.</i> Христиане, иудеи и мусульмане. Наследие Античности и подъем Запада. 300–1400 гг. Мюнхен, 2006.....	
SUMMARIES.....	
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	

CONTENTS

TRAVEL AS CULTURAL AND HISTORICAL PHENOMENON

A.V. Tolstikov, O.Ye. Kosheleva

HOMO VIATOR

A.V. Podossinov

TRAVELLING THE ANCIENT ECUMENE: THE STRUCTURE
PRINCIPLES OF GEOGRAPHICAL DESCRIPTION IN POMPONIOUS
MELA'S *DE CHOROGRAPHIA*.....

F.V. Prokofiev

ALLEGORY AND REALITY IN *NAVIGATIO SANCTI BRENDANI*.....

T.N. Jackson

THE TRAVEL FORMULA' OF ICELANDIC SAGAS.....

S.I. Luchitskaya

TRAVELLING TO THE HOLY LAND IN THE TWELFTH AND
THIRTEENTH CENTURIES: A STUDY IN THE HISTORY
OF EVERYDAY LIFE

C.I. Togoeva

TRAVEL AS MISSION IN THE JOAN OF ARC EPIC

L.A. Pimenova

THE TRAVELER, THE 'PHILOSOPHERS' AND THE 'GOOD SAVAGES':
JEAN-FRANÇOIS DE LA PÉROUSE'S EXPEDITION OF 1785–1788....

S.Ye. Fyodorov

"TO SEE PARIS AND...": A YOUNG ENGLISHMAN'S TRAVEL
DIARY.....

A.B. Lazarev

PARIS AS VIEWED BY FOREIGNERS IN THE TIME OF *ARS*
APODEMICA (1570–1640)

M.V. Leskinen

TRAVELLING THROUGH ONE'S OWN HOME COUNTRY:
DESCRIPTION AS A MEANS OF REPRESENTING THE NATION.
FINLAND AND THE FINNS AS DEPICTED BY ZACHARIAS
TOPELIUS

G.P. Melnikov

'FROM BOHEMIA TO THE ENDS OF THE EARTH'? A SMALL
NATION'S GLOBAL INTENTIONS.....

K.A. Levinson

A LOST PAGE OF THE *CHELYUSKIN* EPIC

A.V. Tolstikov

A TEST OF PATIENCE: A POETICAL DESCRIPTION OF THE
TRIBULATIONS SUFFERED BY A MID-SEVENTEENTH CENTURY
SWEDISH EMBASSY TO RUSSIA

HISTORIAN AND TIME

VLADIMIR PROPP'S LETTER TO IGOR YEREMIN (*B.S. Kaganovich's
publication*)

ON TRADITIONALISM. PAPER PRESENTED BY NINA SIDOROVA
AT A MEETING OF THE DEPARTMENT OF THE HISTORY OF THE
MIDDLE AGES, INSTITUTE OF HISTORY, ACADEMY OF SCIENCES
OF THE USSR, IN 1949 (*Publication and introduction by A.N. Gorvainov*)

I.G. Galkova

THE SLEEP OF REASON

Yu.P. Zaretskiy

FROM THE NATIVE POINT OF VIEW.....

K.A. Levinson

WHY I AM NOT TO COMMENT ON THIS

I.G. Galkova

ON NATIVE HERITAGE

O.Ye. Kosheleva

NINA SIDOROVA'S PAPER AND THE HISTORY OF THE RUSSIAN
STATE.....

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

J.-C. Schmitt

EXEMPLA AND TIME.....

M.R. Maizuls

THE REALITY OF SYMBOL AND THE SYMBOL OF REALITY
IN THE VISIONARY EXPERIENCE OF THE MIDDLE AGES

REVIEWS

K.Yu. Yerusalimskiy

CANONIZED OR DEMONIZED: IVAN THE TERRIBLE'S TERROR
AS INTERPRETED IN TERMS OF CULTURAL SYMBOLS

Bulychov A.A. Between saints and demons. Notes on the postmortem fate
of persons persecuted by Ivan the Terrible. Moscow, 2005.....

S.I. Luchitskaya

'THE PURIFYING FIRE' IN GERMAN ART

Wegmann S. Auf dem Wee zum Himmel. Das Fegefeuer in der deutschen Kunst
des Mittelalters. Köln – Weimar; Wien, 2003

S.I. Luchitskaya

WORD–IMAGE–TEXT IN THE MEDIEVAL CULTURE

Curschmann M. Wort–Bild–Text. Studien zur Medialität des Literarischen
in Hochmittelalter und früher Neuzeit. 2. Bde. Baden-Baden, 2006–2007

M.Yu. Paramonova

A HISTORY OF THE MIDDLE AGES WRITTEN BY A GLOBALIZATION
ERA HISTORIAN

Borgolte M. Christen, Juden, Muselmanen. Die Erben der Antike und
der Aufstieg des Abendlandes 300 bis 1400 nach Christus. München, 2006

SUMMARIES.....

SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....

С.Е. Федоров

“УВИДЕТЬ ПАРИЖ И ...”: ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ЮНОГО АНГЛИЧАНИНА

В собрании Бодлеанской библиотеки хранится рукопись путевых заметок одного английского юноши, точнее пятнадцатилетнего подростка, Роберта Монтагю, будущего третьего графа Манчестера. Юный Монтагю был отправлен его отцом, вторым графом Манчестером, в европейский тур в апреле 1649 г. Значительная часть его пребывания в Европе связана с Францией – сначала с Парижем, а затем Сомюром, где, по замыслу родителей, была организована основная часть обучения молодого человека. Несмотря на свою занятость в Сомюре, Роберт Монтагю неоднократно возвращался в Париж¹.

Отец молодого человека, Эдвард Монтагю – личность весьма известная в раннестюартовской Англии. Он занимал высокие государственные посты, но, в конечном счете, разошелся с Карлом I Стюартом из-за взглядов на формы и методы управления государством. Во время гражданских войн Монтагю-старший примыкает к парламентариям, его даже назначают командующим парламентской армией, но впоследствии, накануне казни короля, он заново присоединяется к роялистам. Опасаясь в новых условиях за судьбу своего наследника, он решает отправить сына в Европу, благо активно развивавшаяся практика европейских туров могла стать для того вполне благовидным предложением².

* * *

Начало регулярных поездок англичан, главным образом выходцев из благородных семей, на континент с образовательными целями приходится на конец XV – первые десятилетия XVI в. Именно тогда формируются представления о целесообразности образовательных туров и их продолжительности, складываются определенные предпочтения относительно возможных маршрутов, а также постепенно вырабатывается репертуар образовательных программ³.

Местом интеллектуального паломничества молодых англичан становится Италия. Одни из них с завидным усердием и под руководством известных гуманистов обучаются в итальянских университетах, познавая тонкости древних языков и литературы. Другие не без поддержки влиятельных патронов знакомятся с особенностями придворной жизни, местными обычаями и нравами. Наконец, часть отпрысков знатных семей, очевидно, умудряется совмещать и то, и другое. При этом среди молодых англичан пре-

обладают характерные для их гуманистического окружения представления о том, что по возвращении на родину они смогут обратить приобретенные знания и опыт на пользу не только себе, но и монархиста⁴.

Надежды на востребованность полученных в Италии знаний и опыта подпитывались господствовавшими при дворе первых Тюдоров идеалами. Сказывались также последствия характерной для английского общества этого времени аристократизации государственного аппарата, сопровождавшейся ростом интереса знати к гражданской службе⁵. Но уже к середине столетия отчасти под влиянием реформации, отчасти из-за скромных размеров судебно-административной машины и повсеместно распространенного протекционизма основания для исходной уверенности у юношества, прошедшего обучение в итальянских университетах, становятся менее определенными, а затем и вовсе исчезают. В среде английской знати возрастает критический настрой относительно целесообразности затрат на "классическое" образование. Даже преуспевшие в обучении юноши, вернувшись из Италии, уже в начале правления Елизаветы Тюдор с трудом могли рассчитывать на место при дворе, если с ними соперничали искушенные в сугубо "мужских" искусствах сверстники: так называемое "женское правление" определяло особенности и устои светской жизни того времени. Так, автор одного из анонимных наставлений, увидевшего свет в конце XVI в., весьма недвусмысленно обращает внимание отправляющихся на континент молодых людей на обстоятельство, определяющее реальный успех при дворе и карьере на государственной службе. Речь идет не столько о знаниях, почерпнутых при изучении древних языков и литературы, сколько об успехах в приобретении навыков "изящно гарцевать верхом, владеть шпагой, танцевать или играть в теннис"⁶.

Очевидно, падение интереса англичан к итальянским турам⁷ также зависело от ожиданий, которые молодые люди, вопреки желаниям семьи и потребностям монархии, вынашивали, отправляясь на континент. Нетрудно судить о том, что в первую очередь двигало юношами, охотно покидавшими отчий дом ради обучения в итальянских университетах. Делясь своими впечатлениями от увиденного и пережитого, юные англичане меньше всего писали о часах, проведенных в университетских классах или в ученых беседах с именитыми преподавателями. Даже сетования на трудности, которые они испытывали при чтении древних авторов, пожалуй, уходило на второй план. В их дневниках можно обнаружить, скорее, рассуждения о преимуществах местного климата, открытости людей или удивительной чистоте на улицах итальянских го-

родов⁸. Существенными оказываются пассажи, в которых сравнивается жизнь в итальянских университетах с жизнью британских университетов, отличавшихся замкнутостью и суровыми нравами⁹. Складывается впечатление, что выходцы из знатных семей, и в особенности те, которые уже испытали на себе бремя студенческой жизни в Кембридже или Оксфорде, воспринимали поездку на континент не столько как возможность преумножить свои знания и опыт, сколько как блестящий шанс реализовать юношеские мечты, воспользовавшись преимуществами пребывания вдалеке от отчего дома. Томас Гоби, описывая устои студенческой жизни в Падуе, замечал, что “пребывание в университете обязывает каждого не столько к посещению определенных лекций... сколько к тому, что он по своему усмотрению выбирает для изучения...”, “оставаясь джентльменом, а не причетником, он, скорее всего, предпочтет фехтование или искусство верховой езды...”¹⁰. “В Падуе не проходит и дня без турниров, барьерных боев и прочих состязаний: там все приспособлено для этого... самими же искусными в подобных сражениях являются студенты”¹¹.

Участие в турнирах и барьерных боях на пике популярности итальянских туров, очевидно, не только разнообразило повседневную жизнь молодых англичан на чужой земле, но и воспитывало необходимые для знати того времени качества, привлекательность которых резко возрастет при дворе уже во второй половине XVI столетия. При этом знания, полученные большинством из них еще в британских университетах, могли почитаться достаточными, и в этом смысле любые формы дополнительного образования воспринимались как обременительные. Соглашаясь на поездку в Италию, молодые англичане, должно быть, питали надежду на то, что им каким-то образом удастся облегчить бремя студенческой жизни, избежать усердных занятий, но при этом преуспеть в популярных, как выясняется, среди студенчества турнирных боях. И до тех пор, пока ситуация при английском дворе не стала меняться в иную, чем при первых Тюдорах, сторону, такое соотношение между временем, проведенным в университетском классе и на ристалище, казалось, устраивало каждого юношу. Когда же при Елизавете Тюдор, кардинально изменившей придворные вкусы и предпочтения, повысился спрос на преуспевающих молодых людей, умевших при необходимости блеснуть познаниями в древних языках и литературе, но при этом более способных к верховой езде, фехтованию и прочим, как тогда считали, “мужским искусствам”, возможности итальянских туров оказались недостаточными. Молодые люди охотно соглашались с отцами, сетовавшими на бесполезность затрат на обучение в итальянских университетах,

и с не меньшей надеждой смотрели на другие открывавшиеся к тому времени образовательные горизонты¹².

Среди всех европейских стран, посещаемых до конца XVI в. выходцами из знатных семей, Франция относилась к числу “наименее привлекательных” и даже “небезопасных”¹³. Англичане, как правило, с опаской пересекали ее территорию, направляясь либо в Италию, либо в Германию. Только отдельные смельчаки решались на то, чтобы провести во Франции более длительное время, но по возвращении домой их ожидали подозрительное отношение ближних, недоверие и критика окружающих¹⁴. Почти в каждом вернувшемся из Франции англичанине соотечественники видели пособника католической церкви или, что еще страшнее, агента иезуитов. Современники очень злобно высмеивали выработавшуюся за время пребывания во Франции привычку говорить “в нос” или произносить английские слова, “как бы прикрывая рот или вытягивая губы”; не оставались без внимания и контрастировавшая с местными обычаями манера “ярко одеваться” и, конечно же, привезенные из Парижа “широкополые шляпы с перьями”. Не в меньшей степени соотечественников раздражала привнесенная в повседневную жизнь “французская кухня”, опять-таки отличавшаяся от английской своим разнообразием, известной легкостью и, что самое главное, – пристрастием к “салатам и всевозможным сладостям”¹⁵.

О том, что, несмотря на все нежелательные для англичан последствия, таящиеся во всем французском, эта страна к концу XVI в. постепенно включалась в орбиту их образовательных интересов, свидетельствует появившееся на исходе столетия руководство для путешествующих молодых людей, принадлежавшее перу известного своими консервативными убеждениями сэра Роберта Даллингтона¹⁶. По-прежнему отдававший предпочтение итальянским университетам, он тем не менее впервые обращает внимание юных соотечественников и их родителей на возможности открывающиеся перед ними во Франции. Убежденный в необходимости разумного сочетания в преподавании древних и новых языков, Даллингтон рекомендует в первую очередь те из них, которые могли бы составить пользу для молодых людей. В этом смысле французский язык является, по его мнению, наиболее перспективным, поскольку “англичан и французов связывают не только общая история и близость культур, но и известная благодаря Фортеस्कью схожесть монархий”: постигая “тонкости” французского языка, его юные соотечественники будут способны глубже оценить это “единство”. Между этими тонкостями и “всем богатством старой латыни”, по мнению Даллингтона, также существует очевид-

ная связь: сочетая, таким образом, изучение французского и совершенствование латинского языков, юные англичане достигнут значительных успехов и будут образованнее, чем большинство их современников¹⁷. При этом те из них, которые всерьез задумываются об успешной карьере при дворе, в свободное от изучения языков время смогут посвятить себя “фехтованию, искусству верховой езды, танцам и игре в теннис”¹⁸.

Отмечены Даллингтоном важность изучения современных языков весьма определенным образом отражала тенденции конца правления Елизаветы Тюдор, связанные с расширением дипломатических служб и ведомств: внимание к французскому языку было всего лишь одной, но очень удачной иллюстрацией к происходившему. Значительно более любопытен предлагаемый Даллингтоном ряд “упражнений”, рекомендуемых для свободного от основных занятий времени. Лучшие школы верховой езды и фехтования в конце XVI в. по-прежнему принадлежали итальянцам, которым, кстати, сам Даллингтон отдавал явное предпочтение перед французами¹⁹. Обучение танцам во Франции этого времени, хотя и в меньшей степени, также уступало итальянской традиции, но было организовано несравненно лучше, чем при елизаветинском дворе. И только в отношении тенниса французы лидировали.

Были ли эти упрощения всего лишь примером недостаточной осведомленности автора наставления, или за ними скрывались определенные рода соображения – судить не берусь. Так или иначе, предлагаемый Даллингтоном вариант образовательной программы во Франции демонстрирует ряд обстоятельств, весьма показательных для Англии того времени. Образование в итальянских университетах, хотя и оставалось вне конкуренции, всегда напоминало родителям, что их отпрыски совершенствовали свои познания в древних языках и литературе, оставаясь во враждебном, в представлении англичанина, окружении. Италия оставалась католической страной, олицетворявшей наиболее консервативные настроения римской церкви. При этом Франция, в понимании англичан, хотя бы на половину была протестантской, и в этом смысле пребывание на ее территории оказывалось менее опасным с точки зрения здравого смысла²⁰. Они, видимо, не сомневались в том, что искусство верховой езды, фехтование, танцы и, наконец, так привлекавший юных англичан теннис развивались во Франции намного успешнее, чем в Англии. Судя по всему, потребность в новизне, интересы безопасности, а также известный прагматизм английской аристократии заставили Даллингтона допустить известные неточности и, по существу, признать французский вариант образовательных туров вполне возможным и даже желательным для

английской молодежи. Известный риск, конечно, сохранялся, но вышедшие вслед за руководством Даллингтона путеводители по Франции, снабжая юных англичан необходимой информацией, как представляется, снижали его вероятность²¹.

Стремление к снижению риска образовательных поездок английской молодежи во Францию, и в особенности в Париж²², сказывалось на репертуарах самих образовательных туров. Жесткая регламентация накладывала отпечаток и на подготовку молодого человека к поездке, и на маршруты передвижения его по стране²³, и на обязательную в таких случаях "парижскую" часть тура²⁴, и на особо акцентируемую "обратную" связь²⁵ юноши с отчим домом.

Начиная с конца XVI и вплоть до середины XVII в. в различного рода наставлениях, адресованных английскому юношеству, выезжающему для обучения во Францию, заметно возрастает объем практических рекомендаций. Содержавшие не только разъяснения по поводу необходимой в таких случаях "установочной" программы, но и советы, очерчивающие круг обязательного предваряющего саму поездку чтения, подобные рекомендации, по существу, заранее "настраивали" юношу на определенный, в целом характерно протестантский уровень восприятия реалий, ожидавших его во Франции.

Пожалуй, самое популярное к моменту поездки Роберта Монтагу наставление Джеймса Хоуэлла, следуя в русле предшествующей традиции, рекомендует молодому путешественнику начать его предварительное ознакомление с Францией с лучших на тот момент описаний П. Бертиуса и А. Ортелия²⁶. Известно, что уже в XVI в. хорографии как жанр историко-географической литературы были способны сполна заменить читателю все прелести реального путешествия. Начиная с Кэмдена, также упомянутого Хоуэллом в списке обязательной литературы, подобного рода описания предоставляли читателю возможность для воображаемого путешествия по любой стране и с легкостью раскрывали перед ним историко-культурный ландшафт любого описываемого региона. Пропуская через сознание человека выстроенный таким способом и не всегда близкий к действительности "образ" того или иного государства, хорографы заведомо формировали у читателя вполне определенный спектр возможных ожиданий, настраивая его естественную в таких случаях любознательность на весьма определенный лад²⁷. При этом известные недостатки подобных историко-культурных экскурсов, обусловленные границами самого жанра хорографий, могли восполняться, а в случае рекомендаций Хоуэлла реально восполнялись, не менее старательно отобранной более специальной литературой. В частности, общими трудами по

истории Франции Ж. де Серра и А. де Обинье и П. Матье²⁸. Особенности политической жизни французского общества молодому англичанину следовало познать по известным среди протестантов трудам Ж. Бодена, Ф. Ля Нуе и Б. де Жирара, (Дю Гайяна)²⁹, а религиозной – П. Дю Мулена и Ф. Дюплесси-Морне³⁰. Среди рекомендованных к чтению французских поэтов – Ронсар, Дю Бартас, Депорт и поздний Теофиль³¹.

Сформированная под влиянием хорографий и отшлифованная под воздействием специальной литературы картина материализовалась в маршрутах, которых должен был придерживаться молодой англичанин. Обычно такую функцию выполняли предлагаемые для поездки разнообразные путеводители, но в отношении рассматриваемого периода возможные рекомендации заметно осложнялись. Речь идет о том, что между отобранными для ознакомления сочинениями, написанными в жанре хорографий, и собственно путеводителями существовала более тесная связь, чем это может показаться на первый взгляд. Так, чаще всего упоминаемые в этой связи сочинения Ю. Зинзерлинга и К. де Варенна³², несмотря на свою жанровую специфику, во многом воспроизвели идентичный по характеру материал. Изложенный по принципу традиционных хорографий и достаточно богатый историко-географическими сюжетами в изложении Зинзерлинга, он либо заметно сокращался за счет изъятия экскурсов в прошлое, либо нарочито детализировался за счет введения новых рубрик в переложении де Варенна. При этом сумма возможных впечатлений о стране, которые юный англичанин мог потенциально испытать при непосредственном знакомстве с описываемыми маршрутами и располагавшимися по пути достопримечательностями, очевидно, в варианте Зинзерлинга была менее предсказуемой, чем в варианте де Варенна.

Примером подобных манипуляций с текстом изложения может служить раздел, посвященный Парижу³³. Любопытный по содержащемуся материалу экскурс в историю основания города, сопровождающийся сведениями об этимологии самого названия, весьма значительный у Зинзерлинга, сокращен до одного абзаца в путеводителе де Варенна³⁴. При этом описания достопримечательностей всех трех частей Парижа (*villa*, *civitas* и *universitas*) у Зинзерлинга не всегда исчерпывающие, но достаточно расплывчатые. Основное внимание обращается на особо древние, открывающие возможность для историко-культурной ориентации и восприятия памятники³⁵. Упоминаний о воздвигнутых современниками автора сооружениях практически нет³⁶. Де Варенн, напротив, преобразует имевшийся в распоряжении Зинзерлинга матери-

ал, оставляя важнейшие ориентиры городских маршрутов своего предшественника нетронутыми. Сокращая или отказываясь вообще от исторических экскурсов, он детализирует карту достопримечательностей Парижа за счет введения рубрик об отсутствующих в описании Зинзерлинга сооружениях³⁷. Создавая тем самым, очевидно, достаточный для любого вкуса историко-архитектурный профиль французской столицы, путеводитель де Варенна одновременно раздвигал перспективу для восприятия и облегчал поиск путей для его возможной регламентации.

“Обратная связь” с отчим домом, выходящая за рамки материальных отношений с родителями или опекунами, финансировавшими поездку, предусматривала обязательную, а в некоторых случаях доскональную фиксацию увиденного и, должно быть, услышанного молодым человеком. При этом помимо естественной в таких случаях переписки, содержавшей “ободряющие” домашних отчеты, желательным оставался путевой дневник, в который юноша вносил уже более детальные записи, отражавшие его “скитания” по чужой стране.

Обычно исследователи, обращавшиеся к изучению континентальных образовательных туров, почти единодушно отмечают своеобразие и личностный характер оставленных молодыми людьми путевых заметок. Сэмюэль де Биир показал в своем обширном комментарии к дневникам Джона Эвлина – одного из самых цитируемых в этой связи англичан середины XVII в., – что на деле такое единодушное мнение может оказаться всего лишь заблуждением. Дело в том, что Эвлин во многом заимствовал тексты Зинзерлинга и де Варенна для своих путевых заметок, скрыв умелым сочетанием “замаскированных” цитат весьма характерную компиляцию³⁸. Де Биир отчасти прав, уличая Эвлина в недобросовестности: по его мнению, выдаваемые за собственные, но описанные при помощи текстов из путеводителей впечатления от увиденного не всегда поддаются объяснению. То, что заставляло известного путешественника прибегать к подобному приему, оказывается в обстоятельном комментарии вне интересов ученого.

Каждый отправлявшийся в поездку английский юноша потенциально мог выбирать и чаще всего выбирал индивидуальные маршруты передвижения по стране: эта особенность образовательных туров почти безошибочно определяется даже при беглом знакомстве с многочисленными путевыми заметками³⁹. При этом его выбор, направляемый, как правило, усвоенными еще до поездки наставлениями и предлагавшимися путеводителями, а также соображениями безопасности, так или иначе фокусировался на весьма ограниченном круге достопримечательностей. Последова-

тельность их осмотра и посещения могла также варьироваться, но даже при значительных вариациях его изобретательность не выходила за пределы четко очерченного круга. Молодой англичанин, очевидно, мог совершать необдуманные поступки и пересекать заповедную черту, но, ведомый хорошо усвоенными наставлениями, почти всегда отказывался от их письменной фиксации.

Лишая себя возможности описать непредусмотренные рекомендациями впечатления, он, очевидно, прекрасно осознавал, что по возвращении его дневник будут просматривать родители или опекуны, и задача оправдать определенные в таких случаях ожидания близких представлялась молодому человеку очень важной. Его повседневная жизнь за границей могла не совпадать и, наверняка, не совпадала с ожиданиями родственников и более широко – современного ему общества.

Движимый противоречиями между желанием пережить соответствующие его возрасту приключения и регламентацией, накладываемой близкими ему людьми и популярными наставлениями, он, подобно Элвину, прибегал к известному приему. В тексте его путевых заметок, возможно, не всегда умело замаскированные, всплывали обширные заимствования из путеводителей. До тех пор, пока предназначавшаяся для путешественников литература оставалась непереуказанной, различия в способностях и навыках передавать текст оригинала на родном языке придавали его переводам индивидуализирующую окраску. При этом путевые заметки, составленные на основе таких обширных заимствований, трансформировались в текст, содержательные рамки которого были способны удовлетворить не только ожидания близкого молодому человеку окружения, но и не разрушить представления об его уважительном отношении к существующим запретам и ограничениям.

Начиная с путевых заметок Эвлина⁴⁰, очевидно, можно говорить о формировании определенного стереотипа в описании англичанами французской столицы⁴¹. Молодые люди живописуют в своих дневниках одни и те же достопримечательности Парижа и его ближайших окрестностей, прогуливаются по одним и тем же улицам и площадям, пользуются услугами одних и тех же постоялых дворов и гостиниц и даже прибегают к помощи одних и тех же каретных дворов и экипажных конюшен. Оставленные ими описания, казалось бы, существуют вне архитектурных и строительных изменений французской столицы; путешественники как бы не замечают, игнорируют совершенно явные последствия пожара 1631 г., удручающее впечатление от поврежденных витражей собора Парижской Богоматери и многое другое. В этом смысле

облик Парижа начала 40-х годов XVII в. ничем не отличается от облика конца этого столетия: зрительная статика архитектурного образа французской столицы надолго становится особенностью дневниковых записей посещавших Париж молодых англичан.

* * *

Уникальность путевых заметок юного Монтагю определяется тем, что они во многом проясняют высказанные предположения. Помимо возраста самого путешественника, даровавшего ему особую непредвзятость повествования, текст самих заметок представляет собой, должно быть, один из черновиков, подготавливаемого под руководством его наставника – некоего господина Ханхоффера – окончательного варианта путевого дневника. Текст рукописи насчитывает 65 листов, между которыми проложены, очевидно, приобретенные во время путешествия 13 гравюр. Листы 1–26 написаны рукою молодого Монтагю; оставшаяся часть рукописи – рукою его наставника⁴².

Сохранившийся текст содержит значительную правку, внесенную рукою самого юноши и рукою Ханхоффера. Многочисленные интерполяции показывают, что рукопись неоднократно редактировалась. Ханхоффер, очевидно, регулярно проверявший записи юноши, заставлял его вносить необходимые изменения, приводя текст дневника в соответствие с описаниями де Варенна и Зинзерлинга, и почти нещадно истреблять зафиксированные в тексте личные впечатления от увиденного, внесенные в дневник рукою молодого Монтагю. В некоторых случаях на полях рукописи содержатся дополнительные тексты, написанные рукою юноши, открывающиеся весьма примечательными оборотами, вроде “когда мы были там-то или там-то, я забыл написать о том, что видел...”⁴³, и далее следуют заимствованные, как правило, из Варенна пространные фразы.

В значительно правленной рукописи содержится исходный текст, который, очевидно, отражает непредвзятое впечатление юноши от увиденного им во время путешествия. Складывается впечатление, что во время третьего визита в Париж юноша уже изрядно конфликтовал со своим наставником и, как представляется, отказывался вносить в текст необходимые изменения, поскольку текст описания третьего визита во французскую столицу полностью написан рукою Ханхоффера⁴⁴ и содержит буквальное заимствование соответствующих отрывков из Варенна и Зинзерлинга. При этом тексты первого трехмесячного и второго двухнедельно-

го пребывания в Париже представляют в значительной степени исходные записи юноши, хотя и правленные его наставником.

Описание первого, самого длительного пребывания в Париже открывается пространным вступлением, в котором излагается общий план Парижа и его окрестностей, части которого составлены из соответствующих мест, заимствованных из текста Зинзерлинга⁴⁵. Юноша старательно переводит почерпнутые из путеводителя рубрики, снабжая свое описание, там, где это необходимо, историческими экскурсами, поясняя, как шла городская застройка и кому из монархов принадлежала идея той или иной планировки⁴⁶. При этом содержащаяся в тексте правка наставника касается главным образом точности перевода отдельных латинских слов или выражений. Очевидно, Ханхоффер был заинтересован в точном воспроизведении текста Зинзерлинга (в его понимании “Галльский итинерарий” был образцовым источником информации и не требовал дополнений), и его внимание приковывали только те места, которые вызывали у юноши явные затруднения с переводом.

Ситуация заметно меняется там, где юноша начинает описывать достопримечательности. Так, при описании знаменитого собора Парижской Богоматери⁴⁷ молодой Монтагю проявляет незаурядную эрудицию, выходя за рамки экскурсов Зинзерлинга и Варенна. Он вносит запись, указывая, что в архитектуре собора проявляется двойственность стилистических влияний: с одной стороны, присутствуют отголоски романского стиля со свойственной ему отягощенностью (“тяжелый романский стиль”), а с другой, – использованы архитектурные элементы готического стиля, которые придают зданию легкость и создают впечатление простоты его вертикальной конструкции (“устремленная к небесам готика”). Ханхоффер зачеркивает эту запись и заставляет заменить ее соответствующим текстом из Варенна: “фасад разделен по вертикали на три части пилястрами, а по горизонтали – на три яруса галереями. При этом нижний ярус имеет три глубоких портала. Над ними идет аркада с двадцатью семью статуями, представляющими царей Иудеи...”⁴⁸. Далее следуют любопытные исправления, сделанные уже рукою Монтагю: он зачеркивает “27” и исправляет их на “28”, что в принципе верно, а затем приводит имена 13 иудейских царей, изображения которых он распознал, когда разглядывал галерею королей, отбивая их многоотчием и, следовательно, затрудняясь воспроизвести имена оставшихся⁴⁹. Ханхоффер оставляет запись без изменений и дописывает рядом с нею кусочек из ранее зачеркнутой фразы о сочетании архитектурных стилей в композиции собора. Не менее показательны и противостояние юноши и наставника в вопросе размеров здания, которые, как

известно, незначительно отличаются в описаниях Зинзерлинга и Варенна⁵⁰. Очевидно, Ханхоффер предпочитал Варенна, а юноша, возможно из-за духа противоречия, – Зинзерлинга. Исходный текст воспроизводит сведения Зинзерлинга, поверх которых рукою Ханхоффера внесены сведения Варенна; затем оба отрывка зачеркнуты – очевидно, юноша и наставник в конечном счете договорились не вносить в текст подобных сведений.

Не менее интересны метаморфозы с записями о знаменитой Сен-Шапель. Варенн рекомендует сосредоточиться на внешнем облике здания и затем внимательно рассмотреть его внутреннее убранство и в особенности реликварий⁵¹. Исходный текст начинается сразу же с описания реликвария и истории тернового венца. При этом юноша проявляет явный интерес к тому, что называется верхней капеллой, и главным образом тому, что она соединена с королевским дворцом и что туда ведет дверь из его внутренних покоев. Его внимание привлекают альков для королевской семьи и витражи верхнего нефа, поражающие своим великолепием. Не забывает он поделиться своими соображениями по поводу пожара в часовне 1630 г.⁵² Нассаж, принадлежащий Монтагю, подвергается жесткой правке, и его место занимает менее экспрессивный рассказ Варенна о двух ярусах и нефах нижней капеллы, контрфорсах (любопытно, что сам Ханхоффер затрудняется писать этот сложный термин и дважды его исправляет)⁵³ и т.п.

Очень похожие изменения претерпевают тексты о Сен-Дени⁵⁴. Юный Монтагю, игнорируя архитектурные достоинства здания, полностью сосредотачивается на захоронениях французских королей и королев. Его интересует все, начиная с наиболее древних захоронений Дагобера I и надгробного памятника Фредегонды до захоронений Генриха II и Екатерины Медичи, и лишь описав свои впечатления, он, как бы невзначай, вспоминает останки Святого Дионисия⁵⁵. Ханхоффер убирает практически все личные впечатления юноши и заменяет их сухими и объективными фразами из путеводителей, оставляя в неизменной версии рассуждения юноши о Генрихе II и Екатерине Медичи⁵⁶.

* * *

Противостояние Монтагю и его наставника Ханхоффера в определении объема и содержания значимых для путевого дневника записей, как правило, лишь при незначительных уступках заканчивалось неудачей для молодого человека. Очевидно, одаренный от природы любознательностью, он предпочитал фиксировать свои впечатления от увиденного в их наиболее эмоциональной и не-

предвзятой форме. Предварительное знакомство с рекомендуемой для путешествия литературой и путеводителями не мешало, а в некоторых случаях даже определяло критический настрой в отношении сделанных его авторитетными предшественниками наблюдений. В этом смысле сохранившаяся рукопись путевых заметок является уникальным свидетельством того, что продолжает оставаться за кадром для большинства исследователей, изучающих феномен образовательных туров англичан XVI–XVII вв.

Написанный рукою юноши текст подвергался жесткой правке. Ханхоффер, очевидно, был заинтересован в том, чтобы Монтагю следовал в русле рекомендаций путеводителей. В этом смысле “живой” образ французской столицы не вписывался и разрушал созданные путеводителями стереотипы и контролируемые ими запреты.

Непредвзятый, характерный для Монтагю взгляд на Париж и его окрестности, как представляется, не соответствовал определенным ожиданиям не только со стороны родителей юноши, но и самого наставника, не менее заинтересованного в том, чтобы следовать своему предназначению. Конечный и, следовательно, идеальный вариант путевых заметок должен был представлять собой не более чем перевод имевшихся в распоряжении юноши путеводителей. Все, что требовал наставник от своего подопечного, не выходило за рамки упражнений, демонстрирующих его успехи в латинском и французском языках: описать Париж лучше, чем это было сделано у Зинзерлинга и де Варенна, очевидно, было нельзя.

Привлекавшую англичан, но остававшуюся в целом чужой для них культуру французской столицы, по всей видимости, следовало воспринимать, осмыслять и транслировать по определенным, заранее оговоренным правилам. Сформулированные в путеводителях в виде всевозможных рекомендаций, такие правила обеспечивали путешественнику своеобразное безопасное, в чем-то поверхностное скольжение, гарантировавшее всем заинтересованным участникам минимум нежелательных последствий и потерь. В этом смысле, как в той знаменитой и многократно менявшей своего адресата фразе – *videre Napoli et Mori*, – англичанин должен был просто увидеть Париж и его окрестности.

¹ Bodleian Library. Rawlinson MS. D76. Fols. 1–65 (Travels of Robert Montagu).

² Более подробно о биографии Монтагю: *Brennan M. The Origins of the Grand Tour: The Travels of Robert Montagu, Lord Mandeville (1649–1654), William Hammond (1655–1658), Banaster Maynard (1660–1663)*. L., 2004.

- ³ *Turlerus H. De Peregrinatione et agro neapolitano, libri II. scripti ab Hieronymo Turlero. Omnibus peregrinantibus utiles ac necessarii; ac in corum gratiam nunc primum editi. Argentorati, 1574* (английский перевод: *The Traveiler of Jerome Turler, divided into two bookes, the first conteining a notable discourse of the maner and order of travailing oversea, or into strange and foreign countries, the second comprehending an excellent description of the most delicious realme of Naples in Italy; a work very pleasant for all persons to reade, and right profitable and necessarie unto all such as are minded to traveyll. L., 1575*). *Lipsius J. De ratione cum fructu peregrinandi, et praesertim in Italia. Basileæ, 1577* (английский перевод: *Stradling J. A Direction for Travailers taken out of Justus Lipsius and enlarged for the behoofe of the right honorable Lord, the young Earle of Bedford, being now ready to travell. L., 1592*).
- ⁴ Так, итальянский опыт Уильяма Селлинга, Джона Колета, Уильяма Гроци-на, Томаса Линакра, Уильяма Латимера, Кутберта Танстола и Уильяма Лили повлиял на преподавание древних языков и классической литературы в Оксфорде. Известно, что Эразм Роттердамский весьма высоко оценивал преподавательскую и подвижническую деятельность этой группы английских интеллектуалов, полагая, что им удалось организовать преподавание древнегреческого языка на более высоком уровне, чем в ряде итальянских университетов: *Erasmus Desiderius. Opera Omnia. Lugduni Batavorum, 1703. T. 3. Ep. CCCLXIII. Среди именитых англичан, обучавшихся в Падуе, сэры Эдвард Уоттон и Ричард Пэйс, в Ферраре – сэры Томас Уайэтт и Ричард Унгфилд, в Перудже – сэр Николас Уоттон. О том, что подобные представления сохранили свою актуальность для обучавшихся на континенте англичан, свидетельствуют относящиеся к концу 1640-х годов записи Джона Эвлина: *Evelyne J. The State of France as it stood in the IXth year of this present monarch Luis XIII. L., 1652. A Prefatory letter.**
- ⁵ Федоров С.Е. Раннестюартовская аристократия, 1503–1629. СПб., 2005. С. 54–55.
- ⁶ [W.H.] *The Reformed Travailer. L., 1598. A4v.*
- ⁷ Определенная популярность образовательных туров в Италию сохраняется и в более позднее время, но состав участников подобных поездок заметно изменяется в сторону представителей так называемого “среднего класса”. Об этом убедительно пишут Пол Кирби (*Kirby P. The Grand Tour in Italy (1700–1800). N.Y., 1952. P. 23–29*) и Барбара Кортэ (*Korte B. EnglishTravel Writings from Pilgrimages to Postcolonial Exploration. N.Y., 2000. P. 45*).
- ⁸ Джеймс Хоуэлл, вспоминая свое пребывание в Венеции, писал о “ласкающих лучах солнца”, “красоте морских очертаний”; “городские улочки были настолько чистыми, что по ним можно было гулять в шелковых чулках и сатиновых туфлях”; “золотоволосые женщины были всегда приветливы”, “статные, одетые во все черное джентльмены – учтивы и не лишены чувства прекрасного”. Об этих и других наблюдениях Хоуэлла см.: *Epistolae Ho-Eliauae. The Familiar Letters of James Howell / Ed. by J. Jacobs. L., 1892. P. 67–72, особенно P. 68, 70.*
- ⁹ *Thomas W. The Historie of Italie, a Voke excedyng profitable to be redde; because it intreateth of the estate of many and divers commonweals, how they have been, and now be governed. L., 1561 (1-е изд.: 1549). P. 2.*
- ¹⁰ *Travels and Life of sir Thomas Hoby, written by himself. 1547–1564 / Ed. by E. Powell // Camden Society. 3^d ser. L., 1902. Vol. IV. P. 10.*
- ¹¹ *Thomas W. The Historie of Italie... P. 2.*
- ¹² На то, что юные англичане елизаветинской поры, как правило, были не склонны утруждать себя чтением классических авторов, сетовал еще Р. Эшем:

Ascham R. The Schoolmaster / Ed. by R. Major. L., 1909. P. 53. О новых ожиданиях родовитого английского юношества очень удачно замечает автор уже упоминавшегося анонимного наставления: “Италия оставалась страной, куда стремились лишь одиночки... юноши, мечтавшие освободиться от опеки родителей, были готовы отправиться даже на край света... если там представляли, что такое теннис...знали толк в верховой езде... были условия обучаться фехтованию – они были согласны отправиться туда без промедления...” (*The Reformed Traveller... B3r*).

¹³ Любопытно, но даже в середине XVII в., когда Франция превратилась в одну из самых посещаемых англичанами стран, Джон Эвлин, сам проживший в Париже несколько лет, предупреждал соотечественников о том, чтобы те не спешили с поездкой к французам, и рекомендовал прежде посетить Германию, Италию и даже Испанию и, только набравшись соответствующего опыта, отправиться в эту страну (“...thus I propose France in the last place...”): *Evelyne J. The State of France... B8v*.

¹⁴ *Ascham R. The Schoolmaster... P. 84–85.*

¹⁵ *Spedding J. The Letters and The Life of Francis Bacon. L., 1861. Vol. 1. P. 110.*

¹⁶ *Dallington R. A Method for Travell, shewed by taking the view of France as it stodee in the yeare of our Lord, 1598. A.D. L., 1598.*

¹⁷ О том, что взгляды Даллингтона на французский язык остались популярными и в XVII в., свидетельствует трактат: *The Interpreter of the Academic for Forraine Languages, and all Noble Sciences, and Exercises. L., 1648. P. 12.*

¹⁸ *Dallington R. A Method for Travell... C4r–C8v.*

¹⁹ Об искусстве верховой езды во Франции: *Pluyinel A. Le Maneige Royal ou lon peut remarquer le defaut et la perfection du chevalier, en tous les exercices de cet art, digne de Princes, fait et pratiqué en l’instruction du Roy par Antoine Pluyinel son Escuyer Principal, Conseiller en son Conseil d’Estatm son Chambellan ordinaire, et Sous-Gouverneur de sa Majesté. Le tout gravè et representé en grandes figures de taille douce par Crispian de Pas, Flamand, à l’honneur du Roy, et à la memoire de Monsieur de Pluyinel. P., 1624; Сидни Ф. Защита поэзии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 133.*

²⁰ Эта точка зрения очень четко выражена представителями так называемой “золотой” елизаветинской молодежи: *Profitable Instructions: Describing what special Observations are to be taken by Travellers in all Nations, States and Countries; Pleasant and Profitable. By the three much admired, Robert, Late Earl of Essex, Sir Philip Sidney and Secretary Davison. L., 1633. P. 13.*

²¹ *The View of France. L., 1604; Palmer T. An Essay of the Meanes how to make our Travailes into forraine Countries the more profitable and honourable. L., 1606.* Очень популярным в начале XVII в., среди англичан было руководство: *Description Contenant les Antiquitez, fondations et singularitez des plus celebres Villes, Chasteaux et Places remarquables du Royaume de France, avec les choses plus memorables advenues en iciluy. Constance, 1608.*

²² Об опасностях, которые ожидают молодого англичанина во французской столице, не раз упоминается в анонимном путеводителе: *The View of France. L., 1604. P. 21, 23,25, 34.*

²³ *Palmer T. An Essay of the Meanes how to make our Travailes... P. 11–16.*

²⁴ *Le Voyage de France, Dresse pour l’instruction et commodité tant des François, que des Estrangers. P., 1639.*

²⁵ Об этой “обратной” связи впервые упоминает Роберт Даллингтон в связи с понятным каждому желанием родителей иметь перед собой “отчет не только о сделанных расходах и осмотренных достопримечательностях”, но и об

- “испытанных при общении с местными жителями впечатлениях”. В качестве возможной формы такого отчета он называет “регулярную переписку” и, что самое важное, “аккуратно” и “ежедневно” ведущийся дневник путешественника: *Dallington R. Method for Travell... A2r. О важности вести путевой дневник пишут Френсис Бэкон (“Пусть также ведет дневник”: Бэкон Ф. О путешествиях // Бэкон Ф. Сочинения. М., 1978. Т. 2. С. 391) и Джеймс Хоуэлл (“Он также должен иметь всегда перед собою дневник, когда путешествует, с тем чтобы фиксировать в нем все значительное, что [будут слышать его уши или] увидят его глаза в течение дневного времени, и с тем, чтобы в ночное обдумывать увиденное... и пусть он это возьмет себе за правило”): Howell J. Instructions [and Directions] for Forraine Travell. L., 1642. P. 20).*
- ²⁶ *Howell J. Instructions... P. 20.* К тому времени Бертиус еще не был переведен на английский язык, но вполне доступным могло оказаться последнее до поездки Монтагю издание: *Bertius P. Theatri geographicae veteris tomus prior in quo Cl. Ptol. Alexandrini Geographicae libri VIII, Graeca et Latine. Amsterodami, 1618.* Знаменитый труд Ортелиуса был уже переведен и, должно быть, доступен в издании: *Ortelius A. An Epitome of Ortelius his Theatre of the World... with New mappes ... in the latin editions. L., 1610.* Хоуэлл, очевидно, отдавал предпочтение хорографим более общего характера, поскольку оба выбранных автора удачно подходили для рекомендательного списка и для других стран, упоминаемых в его сочинении, в частности Италии и Испании. Этим обстоятельством можно объяснить, как представляется, отсутствие в его наставлениях ссылки на самое растражированное по тем временам хорографическое описание Франции Ю. Зинзерлинга, известного также как Сидериус (*Iodoci Sinceri Itinerarium Galliae, Ita accomodatum, ut eius ductu mediocri tempore tota Gallia obiri, Anglia et Belgium adiri possent: nec bis terue ad eadem loca rediri oporteat: notatis cuiusque loci, quas vocant, deliciis: cum Appendice, De Burdigala. Lugduni, 1616*).
- ²⁷ Об этом более подробно: *Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Историческая память и технологии антикварного дискурса: Англия раннего Нового времени // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 495–522.*
- ²⁸ *Howell J. Instructions... P. 22.* Очевидно речь идет об изданиях, переведенных в свое время Э. Гримстоном: *Serres J. A General Inventorie of the History of France, from beginning of the Monarchie, unto Treatie of Vervins, in 1598. Translated out of French into English by E. Grimeston. L., 1624; The Heroik Life and Deplorable Death of the Most Christian King Henry the Fourth: Addressed to His Immortal Memory; by P. Mathieu, Counceller and Historiographer of France. Translated by E. Grimeston, Esquire. L., 1612.* Знаменитое сочинение Обинье “Всеобщая история” (*Histoire universelle depuis 1550 jusqu’à l’an 1601*), написанное в 1616–1620 гг., очевидно, ошибочно указывается Хоуэллом в качестве общего труда по истории Франции.
- ²⁹ *Howell J. Instructions... P. 23.* Помимо, известного сочинения Бодена “О государстве”, Хоуэлл, по всей видимости, имеет в виду: *La Noue F. Discours politiques et militaires du seigneur de la Noue. Basle, 1587; Girard B. de. Histoire générale des rois de France. Paris, 1576 (2-е изд.: 1584).*
- ³⁰ *Howell J. Instructions... P. 23.* Очевидно, имеется в виду широко известный среди протестантов трактат Дю Мулена “Anatomie de la Mass”, а также сочинения Дюплесси-Морне “De L’institution, usage et doctrine du saint sacrement de l’eucharistie en l’église ancienne” (Paris, 1598) и, возможно, “Excellent discourse de la vie et de la mort” (Paris, 1577).
- ³¹ *Howell J. Instructions... P. 28.*

- ³² *Iodoci Sinceri Itinerarium Galliae...*; *Varenne C. de. Le Voyage de France*. Paris, 1643.
- ³³ *Iodoci Sinceri Itinerarium Galliae...* X2v–Y2v; *Varenne C. de. Le Voyage de France...* P. 323–342.
- ³⁴ *Io doci Sinceri Itinerarium Galliae...* X2v–X3r; *Varenne C. de. Le Voyage de France...* P. 176.
- ³⁵ Любопытно в этом плане весьма объемистое, поражающее своими деталями описание усыпальницы французских королей в Сен-Дени (Y5v–Y8v), которое сокращено в описании де Варенна до упоминания о захоронениях Дагоберта, Карла Великого, Карла V, Франциска I, Генриха II, Франциска II, Карла IX и одного женского персонажа – Анны Бретонской (P. 193), очевидно, представлявших наибольший интерес для иностранцев.
- ³⁶ Раздел “Villa” занимает объем X3r–X4v; “Civitas” – X4v–X5v; “Universita” – X5v–Y2v. При этом основное внимание обращается на городские ворота, мосты и ряд крупных архитектурных памятников.
- ³⁷ Раздел “Ville” весьма краток (P. 176–177), раздел “Cité” – несколько пространнее (P. 178–180), а раздел “Universite” – самый большой по объему (P. 180–183). При этом все достойные внимания памятники вынесены отдельным блоком (P. 180–188). Помимо этого, добавлен раздел о постоянных дворах и гостиницах (P. 180) и многое другое имеющее практический смысл для иностранца.
- ³⁸ *The Diary of John Evelyn: Now printed in full from the manuscripts belonging to Mr. John Evelyn / Ed. by E.S. de Beer: 6 vols. Oxford, 2000. Vol. 1. Introduction; Vol. 2. Passim.* Удивительно, но принцип использования “скрытых” цитат был характерен не только для черновиков его путевого дневника: Эвлин оставил скомпонованный таким образом текст и для опубликованной версии его путевых заметок: *Ibid.* Vol. 6.
- ³⁹ Назову лишь ту часть свидетельств, которая относится к “парижской” части образовательных туров англичан: *Moryson F. An Itineraty containing his ten years travel: 3 vols. Glasgow, 1907. Vol. 1. P. 406–420; Coryat T. Crudities: 2 vols. Glasgow, 1905, Vol. 1. P. 170–195; The Diary of John Evelyn... Vol. 2. P. 40–66; Reresby J. Memoirs and Travels. L., 1905. P. 7–11.*
- ⁴⁰ Речь идет о путевых дневниках: *Basire I. Travels through France and Italy (1647–1649) / Ed. by L. Mogna and C. Hassel. Geneva, 1987; Francis Mortoft. His book being his travels through Italy, 1658–1659 / Ed. by M. Letts // Hakluyt Society. 2nd ser. Cambridge, 1925. Vol. 57; Reresby J. Memoirs and Travels., и др.*
- ⁴¹ Об изменениях в восприятии французской столицы уже в XVIII в.: см.: *Turner K. British Travel Writers in Europe, 1750–1850; Authorship, Gender and National Identity. Aldershot, 2001; Black J. The British and the Grand Tour. Beckenham, 1985; Hafid-Martin N. Voyage et connaissance au tournant des Lumières. P., 1995.*
- ⁴² В пользу такого утверждения говорят различия в почерках: начальная часть рукописи, без сомнения, написана юношеской рукой, поскольку значительная часть букв плохо прописана (есть даже чернильные пятна), буквы округлые и различной величины, сама строка неровная, с явным наклоном к правому краю листа; именно в этой части рукописи – максимальное число описок и грамматических ошибок. Листы 27–65 написаны мелким убористым почерком, в котором угадывается рука взрослого человека.
- ⁴³ *Rawlinson MS. D76. Fol. 4; 7; 9; 13; 26.*
- ⁴⁴ *Ibid.* Fol. 49–51.
- ⁴⁵ *Iodoci Sinceri Itinerarium Galliae...* X2v–X3r.

-
- ⁴⁶ Отчасти сведения могли быть почерпнуты из: *Iodoci Sinceri Itinerarium Galliae...* X3r; X4v; X5v. Варенн в этом плане был менее информативен: *Varenne C. de. Le Voyage de France...* P. 176, 177, 180.
- ⁴⁷ Rawlinson MS. D76. Fol. 4–5.
- ⁴⁸ *Varenne C. de. Le Voyage de France...* P. 181. Rawlinson MS. D76. Fol. 4.
- ⁴⁹ Rawlinson MS. D76. Fol. 5.
- ⁵⁰ *Varenne C. de. Le Voyage de France...* P. 180–182; *Iosoci Sinceri Itinerarium Galliae...* X4v.
- ⁵¹ *Varenne C. de. Le Voyage de France...* P. 182.
- ⁵² Rawlinson MS. D76. Fol. 10.
- ⁵³ *Varenne C. de. Le Voyage de France...* P. 182.
- ⁵⁴ Rawlinson MS. D76. Fol. 11–12.
- ⁵⁵ Ibid. Fol. 12. Очевидно, юношу вдохновляли, помимо собственного интереса, весьма подробные описания Зинзерлинга: *Iodoci Sinceri Itinerarium Galliae...* Y5v–Y8v.
- ⁵⁶ Rawlinson MS. D76. Vol. 12.